

ИСПАНСКАЯ ПРОЗА = «ИСКАЛЧЕННАЯ ЖИЗНЬЮ ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ЖЕНЩИНА»

В мадридском либеральном издательстве «Куадернос пара эль диалого» (буквально — «Тетради для диалога») вышел в свет специальный номер ежемесячника, носящего название своего издательства. Этот номер целиком посвящен весьма интересной круглой дате — тридцатилетию испанской литературы, формировавшейся в самой Испании при франкистском режиме и за ее пределами.

Что же говорят о современной испанской литературе испанские литературоведы и критики, столь четко обозначившие определенный этап ее развития? Их мнения особенно интересно узнать, ибо за юбилейным «столом» собрались в основном либерально мыслящие писатели и критики, которые обычно не грешат тривиально-помпезным словоизвержением, характерным для многих испанских официозов. Разговор о «юбилярше», или, точнее, о самих себе, был достаточно трезвым и объективным. Так, свое «Суждение скорое, но не предвзятое об испанской прозе» Сальвадор Клотас начинает далеко не в праздничном тоне:

«Испанской послевоенной прозе исполнилось тридцать лет. Ныне она похожа на искалеченную жизнью женщину, которая распрощалась с иллюзиями и вспоминает с тихой грустью о былых успехах. Это, безусловно, преждевременное постарение, следствие былых грехов и некоторой апатии, вызванной мыслью о необходимости поисков новых путей... Нам не импонирует эта тридцатилетняя женщина, именуемая испанской прозой. Она воспитана на фальши, она слишком нетребовательна к себе самой и к своей эпохе; ее отдельные удачи кажутся удачами иных времен...»

За этой иронично-метафорической оценкой современной испанской прозы скрывается глубокий подтекст, который недвусмысленно расшифровывается в редакционной статье «Что такое литература», под которой автор не захотел или не смог поставить подпись.

«Изучение литературы — это одновременно и изучение какой-то важной части действительности. В глубоко страдающей Испании последних тридцати лет это также своеобразное подведение итога социально-политического режима, установленного после трагической гражданской войны... Анализ тридцатилетнего развития испанской литературы показывает, что оно не было триумфальным шествием. По нашему мнению, существует слишком много обстоятельств, которые не позволяют литературным колоколам звонить во всю мощь... Нельзя забывать о таких вещах, как эмиграция (в том числе внутренняя), языковая дискриминация*, официальное давление, ущемление свободы творчества, упаднические настроения, общекультурный застой и т. п. Нет, скорее приходится говорить о горечи, о разочаровании, о протесте, даже о гневе, чем бить в барабаны

* Речь идет о литературе на каталонском и галисийском языках.

и литавры... Калорийность испанской культуры пока не достигла необходимого уровня для поддержания «здоровья» литературы. Поэтому сегодняшний номер «Куадернос пара эль диалого», возможно, выглядит не слишком оптимистичным. Но что поделаешь?»

Да, праздничного торжества не получилось, но, может быть, впервые под предлогом тридцатилетия состоялся серьезный, деловой разговор испанских литераторов о своих насущных, наболевших проблемах и была сделана попытка проанализировать конкретные причины, тормозящие в условиях франкистской Испании развитие художественной литературы.

Вот что говорит, например, об истоках теперешнего неблагополучия испанской прозы Рафаэль Контэ:

«После войны в результате почти массовой эмиграции наших прозаиков прошли годы, прежде чем появился испанский роман минимально приемлемого уровня... В эти годы писатели оказались в разрушенной войной стране, где почти не осталось ни издательской базы, ни читательского рынка и где закон о печати, вошедший в силу во время войны (в 1938 г.), установил жесточайшую цензуру на 28 лет».

Большинство участников обсуждения называют этот закон в числе главных причин деградации испанской литературы.

Так, критик Монтеро пишет:

«Испанские писатели вынуждены были существовать в состоянии кислородного голодания. Закон о печати 1938 г. породил литературу астматическую, говорящую шепотом, намеками...»

А Валериано Босаль в статье «Издательское дело в Испании» рассказывает, что смехотворно свирепой цензуре подвергались даже такие книги, как сборники церковных текстов на латинском языке, испанские литературные произведения, изданные до 1800 года, музыкальные сочинения и песни, вышедшие до 1900 года, научные и технические издания.

В 1966 г. в стране был введен так называемый «Новый закон о печати и публикации», ограничивающий деятельность издательств якобы лишь «добровольной консультацией» в органах цензуры. Однако одним из первых непосредственных результатов действия «Нового закона» явилось закрытие издательств «Сиенсия нуова», «Алькон», «Агилера» и «Экипо». Издательство «Сиенсия нуова» («Новая наука»), которое осмелилось предпринять выпуск произведений «классиков — философов и творцов, идеи, работы и концепции которых имеют влияние на современный ход истории», успело, по свидетельству В. Босаля, опубликовать только 5 тысяч экземпляров книг К. Маркса, 8 тысяч экземпляров книг Ф. Энгельса, 10 тысяч экземпляров книг М. Горького и несколько тысяч экземпляров произведений Вольтера, Дидро, Робеспьера, Лукреция и др.

Уже упомянутый нами критик И. Монтеро, характеризуя отношение издательств к так называемой «добровольной консультации», пишет:

«Первоначально некоторые издательства пробовали протестовать... вступали даже в бой, иногда добиваясь пирровых побед, но большинство смирилось».

Видимо, это объясняется тем, что так называемая «либерализация» франкистского режима, о которой в последнее время много толкует правая испанская пресса, носит скорее и прежде всего пропагандистский характер. Об этом, в частности, свидетельствует учреждение многочисленных литературных премий, которыми награждаются, как правило, серые, бездарные произведения, рассчитанные на обывательский вкус, но зато не идущие вразрез с «фалангистской политикой Великой Испании». Недаром участники дискуссии рассматривают политику премий как еще одну причину упадка современной художественной прозы. И. Монтеро в статье «Премии, или 30 лет фальшивого процветания» подчеркивает, что литературные премии

«как бы монополизировали массовое распространение фальшивых литературных ценностей», стали «стимуляторами подъема низкопробной литературы», что они являются «верными сотрудниками режима... эффективным инструментом для устранения неудобных авторов и ненужных течений».

Политику премий И. Монтеро квалифицирует как своего рода цензуру и полагает, что определенная тенденциозность в распределении литературных наград сбивает читателей с толку, лишает возможности правильно ориентироваться в художественной и политической сферах. В этой связи интересно упомянуть о том, что аналогичного мнения об испанских литературных премиях придерживается и известный писатель, член мадридской Академии языка и литературы Камило Хосе Села, хотя его голос и не раздался за «круглым столом» «Куадернос пара эль диалого»:

«В литературе, как и в жизни, тоже делаются аборты. Чтобы скрыть позор — как это называют газеты, когда сообщают о том, что мать-одиночка бросилась под поезд или выкинула недоноска в помойную яму, — а также, чтобы

извлечь известные выгоды, в нашей стране распространены литературные премии»*.

Тем не менее в современной Испании имеется несколько издательств, которые продолжают борьбу за выявление талантливых писателей, объективно оценивающих специфические условия франкистской системы. К таким издательствам относится издательство «Дестино» («Судьба»), учредившее одну из наиболее популярных и уважаемых литературных премий — «Эухенио Надаль». Самым же солидным и «смелым» издательством испанская передовая литературная общественность считает издательство «Сейкс-Барраль», публикующее так называемую «Краткую библиотеку», войти в которую означает для писателя не только получить определенное вознаграждение, но и приобрести высокую аттестацию художника.

«За 4—5 лет Барраль,— сообщает И. Монтеро,— сумел открыть перед испанскими читателями, хотя и не слишком широко, европейские и американские горизонты. (Заметим, что премию «Сейкс-Барраль» получили в числе других мексиканец К. Фуэнтес и перуанец Варгас Льюса.— М. Б.). Но самое главное — Барраль обратился к молодым испанским писателям. В результате вокруг издательства сгруппировались прозаики, придерживающиеся концепций «критического реализма».

Кроме издательств «Сейкс-Барраль» и «Дестино» репутацию «солидных» завоевали также издательство «Альфагуара» и особенно барселонское издательство «Плана».

Таким образом, констатирует И. Монтеро, настоящие произведения искусства «пробивают рутину, как бы ее ни возвеличили и ни титуловали». Но, к сожалению, за тридцать рассматриваемых лет сквозь массу серых, приспособленных к франкистскому режиму премированных (и не премированных) произведений сумели «пробиться» и заслужить высокую художественную оценку всего лишь около десятка произведений. Примерно столько же авторов завоевали репутацию настоящих художников (почти все они известны советским читателям). Это Кармен Лафорет, Хосе Мария Хиронелья, Рафаэль Санчес Ферлосио, Долорес Медиа, Ана Мария Матуте, Луис Гойтисоло, Хуан Гарсия Ортелано, Мигель Делибес, Хуан Марсе, Анхель Мария де Лера (а также писатели-эмигранты Хуан Гойтисоло, С. Арконада, Х. Искаррай и др.). Нелегко им было приобрести популярность, и не все они, кстати, остались на высоте положения.

И. Монтеро, указывая на трудности, которые пришлось преодолеть на пути к читателю достойным премирования произведений, приводит в качестве примера роман Санчеса Ферлосио «Харама» (премия «Надаль», 1955 г.).

«Для тех, кто с пеной у рта защищает данную систему,— пишет Монтеро,— неприятно даже упоминание об этом романе».

Не так давно Камило Хосе Села рассказывал в журнале «Мундо» о том, как проходил сквозь сито цензуры его роман 1942 года «Семья Паскуаля Дуарте», который, по свидетельству В. Босалья, стал событием литературной жизни страны, так как

«впервые испанский романист послевоенного времени взглянул на действительность с несколько критических позиций, сбросив шоры гиперболизированного оптимизма... Правда,— продолжает Босаль,— говорят, что в те времена Села сам работал в «Службе цензуры», а это, естественно, способствовало осуществлению намерений автора».

Показательна творческая судьба Кармен Лафорет, которая в 1944 г. получила самую первую премию «Надаль» за роман «Ничто».

«Остротой видения, правдивостью, почти наивным изображением окружающей гнусной обстановки и полным отсутствием риторичности она добилась заслуженного успеха и установила хороший прецедент,— пишет о ней Сальвадор Клотас.— Печально, что дальнейшая эволюция автора в сторону назидательных романов, посредственно написанных и довольно ограниченных по мыслям, привела Кармен Лафорет, которая в общем пользуется большой популярностью, в лагерь писателей-консерваторов, как по идеологии, так и по своим литературным методам... Жаль, но «Ничто» превратилось в «мало».

Сальвадор Клотас пытается отыскать в современной Испании «на общем мрачном литературном фоне романы, которые можно причислить к достойным образцам этого жанра».

Он называет отдельные вещи И. Альдекоа, Х. Фернандеса Санчеса, Х. Лопеса Пачеко и некоторых других писателей, отмечает Л. Мартин-Сантоса, но завершает свой анализ неутешительным выводом:

«В сегодняшней Испании пока не родился роман, по-настоящему прогрессивный, передовой».

* О. Prjevalinsky. El sistema estético de C. J. Cela. Valencia, 1960, p. 11.

Таковы условия существования и таков портрет «искаленной жизнью тридцатилетней женщины» — современной испанской прозы, портрет, нарисованный журналом «Куадернос пара эль диалого».

«В то время как латиноамериканский роман, по всей видимости, переживает свой апофеоз, хотя и не во всех аспектах,— резюмирует С. Клотас,— роман Испании страдает комплексом неполноценности, который, боюсь, вызван многими причинами».

О главных из этих причин говорилось выше. Однако следует отметить, что, несмотря на все трудности, прогрессивные издательства и журналы прилагают большие усилия, перестраивая свою деятельность и гибко приспосабливаясь к малейшим изменениям обстановки, чтобы помочь настоящей литературе стать на ноги.

Важным фактором развития испанской литературы, отмечает В. Босаль, служит также

«появление молодой критики, глубокой и требовательной, которая впервые подняла свой голос на страницах университетского журнала «Асенто культураль»».

Авторы статей специального номера журнала «Куадернос пара эль диалого» в целом дали критические и объективные оценки состояния испанской прозы. Однако хотелось бы при этом уточнить метафорическое определение, которое красной нитью проходит через весь номер: испанская проза — «искаленная жизнью тридцатилетняя женщина». Испанская проза и поэзия действительно искалены последними десятилетиями. Но испанской литературе не тридцать лет, родилась она не в 1939 году и старые славные традиции — от Сервантеса до Гарсиа Лорки — не дали ей погибнуть, и они возродят ее снова, как возрождается в тяжелой борьбе за прогресс вся испанская культура. Даже в передовой статье рассмотренного нами журнала говорится, что

«литература — не отражение действительности, а часть действительности... и, несмотря на все и вся, часть этой действительности — испанская литература — существует. Надо изучать ее, несмотря на риск ошибиться в диагнозе... Испанские писатели, участвовавшие в беседе, оценивают литературные явления изнутри, из глубин тяжелой повседневности, окруженные привычно враждебным, а порой и угрожающе враждебным отношением. Поэтому наш номер «Куадернос пара эль диалого» и изображает обстановку отнюдь не оптимистично».

Так говорят испанские деятели культуры.

Мы видим трудности демократических литературных кругов Испании, но видим и достижения прогрессивных испанских писателей современности. Одно из свидетельств успехов их идеологической борьбы — появление не только ряда интересных произведений, но и выход в свет этого специального номера «Куадернос пара эль диалого».

М. БЕРЕЗКИНА

